

ТРАКТОВКА ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ТУРЕЦКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

З.К. ДЕРБИШЕВА, Б. САГЫНБАЕВА

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

Проблема частей речи. При освещении частей речи турецкие исследователи прежде всего обращают внимание на семантическую сущность слов. Система грамматических аффиксов ими рассматривается отдельно, без соотнесенности с частеречной функцией слов.

В «Новой грамматике», автором которой является *Нуреттин Коч*, части речи выделяются в соответствии с функцией, выполняемой в предложении, а также их месту, занимаемому в структуре предложения. На такой аспект выделения частей речи в нашей тюркологии не обращалось внимания. По-видимому, Нуреттин Коч считает этот критерий существенным, учитывая типологическую особенность тюркских языков, связанную со строгим порядком слов в словосочетании и предложении. Проведя тщательный анализ структурных схем предложения, он приходит к выводу о том, что каждой части речи соответствует строго определенное место в предложении. В итоге им выделяются в следующей последовательности 8 частей речи: имя, местоимение, прилагательное, наречие, послелог, союзы, междометия, глаголы (**Коч, 1992: 164**).

В «Турецкой грамматике» *Хайдара Эдискуна* основное внимание уделяется семантике слова и делятся в соответствии с выражаемым значением на следующие части речи: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) местоимение, 4) глагол, 5) наречие, 6) послелог, 7) союз, 8) междометия.

На следующем этапе автор снова группирует выделенные части речи на 3 более крупных класса: 1) именные слова, 2) глагол, 3) служебные слова.

Полагаем, что логика такой последовательности в таксономии Эдискуна заключается в имплицитно существующей «силе» грамматических свойств, вынуждающей выделять два грамматических класса: имен и глаголов (**Ediskun, 1996: 123-130**).

В грамматической теории *Мухарема Эргина* при выделении частей речи особое внимание уделяется двум аспектам: 1) значению; 2) выполняемой функции. На основании этих критериев им выделяются три группы:

1. имя
2. глагол
3. служебные слова.

При этом автор подчеркивает, что первые 2 группы слов - это слова, имеющие семантику, а третья группа слов, наделена только функциями. На следующем этапе М. Эргин предлагает дальнейшее деление, выделяя в рамках имен следующие разряды: 1) имена существительные, 2) имена прилагательные, 3) наречия, 4) местоимения. Затем дается краткая характеристика семантических разрядов существительных (имена частные и имена общие).

Начав свой анализ с *имени существительного*, Н. Коч перечисляет лексико-семантические разряды имен существительных. Затем дает характеристику падежей. Им приводится 6 форм: 1) Номинатив, 2) Аккузатив, 3) Датив, 4) Аблатив, 6) Генитив. Функцию категории падежа он видит в установлении отношений с другими словами и образования с ними именных словосочетаний (Коч, 1992: 169). Также выделяется категория числа с формами единственного и множественного числа. К формам множ. числа он относит слова с аффиксом -lar /-ler, слова, не имеющие этого аффикса, относит к единственному числу. Автор отмечает, что употребление этого аффикса зависит от лексико-семантического значения слов: абстрактные, собирательные или вещественные слова не употребляются с аффиксом множественности. Некоторые слова иногда употребляются с аффиксом множ. числа, иногда без него (ordu, sügü, alay и ordular, sügüler, alaylar).

Включение в класс именных слов прилагательных, наречий, местоимений производится Х. Эдискуном на основе обозначаемой ими семантики. Никакие грамматические критерии здесь не приводятся, и потенциально они здесь не применимы. Если проследить грамматические свойства имен, то можно сказать, что имена существительные и имена прилагательные не имеют ничего общего в грамматическом аспекте. В отношении существительного Х. Эдискун приводит падежные, а также изафетные формы. Падежная система Х. Эдискуна состоит из 5 форм: номинатива, аккузатива, датива, локатива и аблатива. Дается детальное семантическое описание перечисленных падежных форм.

Мухарем Эргин придерживается этих же позиций и предпочитает говорить об общих грамматических свойствах имен. В составе грамматических признаков имен им называются: множественное число, притяжательность, общая принадлежность, падеж, вопросительность.

Следует отметить одну особенность, связанную с количеством падежных форм, а именно, М. Эргин предлагает 9-членную падежную парадигму, в составе которой перечисляются:

- 1) Именительный падеж
- 2) Родительный падеж
- 3) Винительный падеж
- 4) Дательный падеж
- 5) Местный падеж
- 6) Аблативный падеж
- 7) Инструментальный падеж
- 8) Уподобительный падеж
- 9) Направительный падеж

Помимо падежных форм М. Эргин выделяет вопросительную форму с частицей mi?

Именами прилагательными Н. Коч называет слова, находящиеся в препозиции к имени существительному и обозначающие состояние предмета, его месторасположение, количество, цвет и т.д.: kırmızı kalem, büyük ev, küçük kedî. Имена прилагательные характеризуются как *вспомогательные* члены, определяющие именную группу. Имена прилагательные, стоящие перед именем, образуют вместе «атрибутивное сочетание». Все прилагательные делятся на два больших разряда: качественные и определительные. К качественным автор относит такие

прилагательные, которые дают разнообразные характеристики предмета: *düz*, *yuvurlak*, *yumuşak*, *acı*, *tatlı*, *sert*, *güzel*, *zayıf*, *kuvvetli*. В разряд качественных Коч включает и указательные местоимения: ***Böyle*** insan görmedim.

Şöyle bir şey aklıma geldi.

Ben, ***öyle*** insanları iyi tanırım.

Определительными прилагательными Н. Коч называет указательные, вопросительные, неопределенные местоимения и числительные: ***bu*** kitap, ***şu*** masa, ***o*** araba; ***Kaç*** öğrenci var? ***Ne*** zaman gelecek? ***Hangi*** otele kaldı? ***Nasıl*** insan böyle? ***On*** öğrenci, Она ***yüzde seksen*** şans tanıyorum, ***Biner*** lira toplanacak, ***İkinci*** sınıfta okuyor; ***Hiç*** kimse, ***birkaç*** dakika, ***bütün*** öğrenciler, ***aynı*** gün.

Далее, не отступая от принципа подачи материала по степени возрастающей сложности, Н. Коч предлагает иные структурные типы прилагательных, в числе которых выделяются: производные прилагательные, образованные с помощью особых аффиксов (*yağmurlu hava*, *süzme bal*, *çalışkan öğrenci*, *saygısız adam*), сложные, состоящие из двух или нескольких корней (*ağırbaşlı insan*, *açıkgöz çocuk*, *ikiyüzlü adam*), усилительные или редуцированные прилагательные, образуемые с помощью особых усилительных приставок (*bembeyaz*, *dümdüz*, *yemyeşil*, *yaryalınız*, *sersefil*), двойные прилагательные, своего рода дублеты, также выражающие интенсивность качества (*Sulu sulu erikler yedik. Yüksek yüksek tepeler aşık. İri iri gözleri vardı.*). Не оставляет без внимания автора и вопрос о полифункциональности анализируемых слов, которые могут выступать в качестве наречия и в качестве существительного. Н. Коч подробно описывает условия и позиции, в зависимости от которых одно и то же слово может функционировать или как прилагательное, или как существительное, или как наречие (Коч, 1992: 203-209).

Х. Эдискун относит прилагательные к разряду неизменяемых слов, выделяемых автором только на основании их позиции в атрибутивном словосочетании в качестве определения. В соответствии с этим критерием в разряд прилагательных Эдискун включает собственно прилагательные, определительные, неопределенные, вопросительные местоимения и порядковые числительные. При этом он напоминает, что собственно прилагательные могут использоваться в необходимых случаях и как наречия (Ediskun, 1996: 133).

Мухарем Эргин при описании имен прилагательных особое внимание уделяет лексико-семантическим разрядам прилагательных, в число которых включаются следующие разряды:

1) квалифицирующие прилагательные (*beyaz* -белый, *doğru* - правильный, *eskı*- старый, *demir kapı* – железная дверь, *gelecek* -будущий)

2) определительные прилагательные – это такие прилагательные, которые дают только внешнюю, непостоянную характеристику. В соответствии с такой семантикой к разряду определительных прилагательных относятся указательные местоимения (*bu*, *şu*, *o*), вопросительные местоимения (*kaç*, *hangi*, *ne*), неопределенные местоимения (*bir*, *şöyle*, *bazı*), количественные числительные (*bir*, *iki*, *üç*), порядковые числительные (*birinci*, *onuncu*), дробные, собирательные и другие виды числительных (*birer*, *üçer*, *beşte iki*, *ikiz*, *üçüz*). Такая лексико-грамматическая разнородность состава прилагательных объясняется критерием их отбора, а именно: позицией этих слов в роли определения по отношению к определяемому слову. Никаких специфических грамматических характеристик прилагательных не приводится.

Местоимениями Н. Коч называет такие слова, которые используются во избежание повторения слов или словосочетаний. Выделяется 4 разряда местоимений: 1) личные 2) указательные, 3) неопределенные, 4) вопросительные. Автор указывает на способность местоимений присоединять падежные аффиксы, а также употребляться во множественном числе. Некоторые разряды местоимений употребляются и с аффиксом притяжательности *-i/-si*: *hangisi, biri*.

М. Эргин местоимениям уделяет особое место. Он указывает на основные параметры, по которым местоимения отличаются от именных частей речи: 1) **значение**: говоря о семантике местоимений, М. Эргин указывает на отсутствие у них самостоятельного значения и вместе с тем отмечает наличие у них особых ролей: замещения и указания. 2) **обобщенность**: отмечая способность местоимений замещать и указывать на неограниченное количество слов, автор говорит о них как об словах с широким обобщением; 3) **способность к словопроизводству**: активного словообразующего потенциала у местоимений нет, но все же некоторые из них способны присоединять словообразовательные аффиксы: *benlik, sen-li, ben-siz, ben-cil* 4) **отношение к принадлежности**: аффиксы принадлежности не могут присоединяться к местоимениям; 5) **способ словоизменения**: при словоизменении местоимений происходит изменение корневой морфемы: *ben-bana, sen-sana*; 6) **связь со служебными словами**: некоторые местоимения при соединении со служебными словами меняют словоформу: *benim için, senin için*.

С именами же их объединяет то, что местоимения могут склоняться по падежам. В последующем изложении дается краткое описание каждого разряда: (личных, возвратных, указательных, вопросительных, неопределенных и, наконец, относительных местоимений (*kim, ki*) Они служат в качестве связующего элемента в сложном предложении. Ср.: *Bir söz dedi canan ki keramet var içinde*. Кстати, в кыргызском языке относительных местоимений нет.

Квалификацию **наречий** как части речи Н. Коч проводит только, соотнося их с глаголами. Наречия выражают те же семантические аспекты, что и прилагательные, но примыкают к глаголу, характеризуя глагольное действие с точки зрения времени, места, объема, качества и т.д.: *Yavaş yürü*; *Çok konuşma*; *İstanbul'dan dün geldi*; *Bugün İzmir'e gidiyor*; *Az önce neredeydin?*

В рамках каждого разряда выделяются более частные семантические разряды наречий. Кроме подробной семантической систематизации наречий дается и детальное их структурное описание с учетом типов производности. (Коч, 1992: 210-228). Следуя основному тезису о том, что наречия являются словами, уточняющими глагол, Н. Коч включает в состав наречий слова с другими грамматическими свойствами, а именно: Союз «*eğer beni öldüreler...*», местоимение «*Neden susuyorsun?*», вводные или модальные слова «*elbette, belki, galiba* verdiği sözü unuttu», этикетные междометия «*Allah vere de yağmur yağmasa; evet* veririm», числительные «*ikişer ikişer* oturunuz»

Своеобразными частеречными характеристиками Х. Эдискун наделяет наречия. Прежде всего, указывается, что наречия – это такие слова, которые определяют глаголы и причастия, обозначая время, направление, состояние, характер глагольного действия. Если во флективной грамматике наречия воспринимаются как «бесформенные» части речи, то у Х. Эдискуна наречия представлены как слова с многочисленными формальными признаками, а именно: с падежными аффиксами местного, дательного и исходного падежей: *içerde, içeriye, içerden*; качественные наречия способны регулярно присоединять аффиксы *-ca/-ce/-çe* со

значением уподобления: hayvanca, çocukça, Türkçe; а также аффиксы –la/-le: arabayla. sevinçle.

Наречия, по мнению М. Эргина, наряду с прилагательными самостоятельно в качестве частей речи не существуют. Они рассматриваются М. Эргином в качестве частных разновидностей имени. Основной функцией наречий, находящихся в препозиции, автор считает изменение значений глаголов и прилагательных. Затем предлагается семантическая классификация наречий: времени, места, образа или способа, количества. Некоторые разряды наречий склонны к грамматическим модификациям; так, например, наречия со значением времени способны присоединять к себе аффиксы множественного числа и притяжательный аффикс: sabahları, akşamları, sonraları и т. п., а также аффикс исходного (аблативного) падежа: önceden, sonradan, eskiden и т. п.

К разряду служебных частей относятся так называемые «Эдаты»-«Частицы». Частицами Н. Коч называет слова, которые устанавливают семантические отношения между словами или словосочетаниями. Автором сразу отмечается ограниченный состав таких слов, и вместе с тем он указывает, что в такой функции могут выступать другие части речи: некоторые прилагательные, наречия, союзы. Н. Коч выделяет 6 групп частиц:

- 1) собственно частицы (Bu kapı *ancak* bu anahtarla açılır)
- 2) направительные (Size ait bir şey yok)
- 3) исходные (Senden başka herkes oradaydı)
- 4) связующие (Arabam için aldım bunu)
- 5) частицы, употребляющиеся с глагольными формами (Sütü *içecek gibi* aldı)
- 6) частицы, употребляемые с глагольными образованиями (*Geldikleri gibi* giderler).

По мнению Н. Коча, в основе такого деления лежит учет способов образования этих слов. Однако, на самом деле, основным критерием в этой классификации является форма исходного слова, с которым связывается та или иная частица. Автор сам выделяет окончание знаменательного слова, связываемого с той или иной частицей, прежде чем определить тип частицы. В трактовке других турецких авторов эти слова однозначно квалифицируются как **послелогои**, способствующие формальной и семантической связи слов в предложении.

Х. Эдискун, дает таким словам следующее определение: «Эдаты – это слова, не имеющие самостоятельного значения и используемые вместе с другими словами, словосочетаниями, а также в составе предложения для выражения различных семантических отношений» (Ediskun, 1996: 284) Судя по определению, речь идет о послелогогах. Однако автор данной монографии включает в «эдаты» и послелогои (için, kadar, göre, beri, dolayı), и модальные слова (demek, bakalım, belki, acaba), и междометия (hele! ya, peki, yok, evet, hayır), и частицы (işte, mi?, hani, sadece).

Слова, которые связывают между собой слова в словосочетаниях и предложениях Н. Коч называет **союзами** (Bağlaç). Уже в самом начале главы автор выражает свое негативное отношение к тому, что в некоторых учебниках союзы и частицы не разграничиваются и рассматриваются вместе. Стремясь провести границу между ними, Н. Коч указывает, что частицы (в его понимании) в отличие от союзов, образуют в составе предложения словосочетание, тогда как союзы не образуют подобных синтаксически связанных единиц. Далее Н. Коч приводит таблицу союзов с примерами. Приведенный перечень слов, определяемый

автором союзами, отличается разнородностью и отсутствием мотивации, на основании чего многие слова отнесены к разряду союзов. Многие из этого списка фигурировали в других разделах в качестве частиц, наречий, местоимений и т.д. Например: *Anlaşılan* sorunlu bir çocuk; *Bazen* kazanıyor *bazen* kaybediyor; Kahvaltı *bile* uyardı; *Derken*, kendisi de çıkageldi; *Sözün kısıtı*, her şey alt üst oldu. На наш взгляд, многие подобные слова не могут отвечать статусу союзов. Обобщая семантические функции союзов, Н. Коч пишет, что союзы способствуют выражению в предложении значений условия, противопоставления, тождества, соединения, преувеличения, удивления, причины и следствия, времени и т.д.; Упоминание в этом ряду значений преувеличения и удивления еще раз свидетельствует о том, что автор недостаточно четко представляет для себя специфику союзов в сравнении с другими частями речи.

Союзами (*bağlaçlar*) автор называет слова, которые не имеют самостоятельного значения, но используются в словосочетаниях и сложных предложениях, формально и семантически связывая их в одно целое. (Ediskun, 1996: 303) И вновь наблюдается отсутствие определенных критериев классификации союзов. По этой причине к разряду союзов относятся слова с разными функциональными ролями, а именно: слова с междометной функцией (*bakarsın, hoş*), частицы (*bir, ile, değil mi*), модальные слова (*belki, demek, mesela*). Х. Эдискун и сам отмечает зыбкость границ между служебными частями речи и стремится дать отличительные особенности союзов от послелогов. (Ediskun, 1996: 303).

Слова, выражающие радость, злость, обиду, удивление, страх; слова, с помощью которых обращают внимание собеседника, приказывают, запрещают и т.п., слова, воспроизводящие голоса явлений природы, Н. Коч называет *междометиями* (*ünlem*). Автор дает семантическую классификацию междометий, описываются условия употребления каждого междометия. Далее приводятся слова из других разрядов, употребляющиеся в функции междометий (*Ordular, ilk hedefiniz Akdenizdir, ileri. Allah! Medet! Tanrım!*). Особо Н. Коч выделяет звукоподражания (*tak, tak, tak; küt küt; bili bili; çüş*).

Эдискун к междометиям относит слова, обозначающие внешнее проявление эмоций, чувств и т.п. Сюда включены собственно междометия (*Hey! Of! Eyvah!*), обращения (*Arkadaşlar! Allah!*), призывы (*Haydi! Yaşa! Var ol!*), слова одобрения, восхищения (*Nefis! Guzel!*) и звукоподражательные слова (*Şangır şungur! Fış fış! Hav hav*) (Эдискун).

М. Эргин все служебные части речи называет «*Edatlar*» и описывает их в рамках данного термина. Проводя разграничение между знаменательными и служебными частями речи, М. Эргин указывает на отсутствие значения у «эдатов» в отличие от имен и глаголов, но говорит при этом об их функциональном назначении. В качестве вспомогательных элементов такие слова реализуют свои функции во взаимодействии с основными полнозначительными частями речи. Эдаты подразделяются на три группы слов: *междометия* (*ünlem edatlar*), *союзы* (*bağlama edatlar*), *послелого* (*son çekim edatları*). По существу в своей классификации М. Эргин исходит именно из общей функциональной роли служебных слов. Так, в разряд междометий вполне закономерно отнесены эмоциональные возгласы (*eyvah, of, aferin*), междометия-обращения (вокативы) (*hey, mere, yahu*), вопросительные возгласы (*ha, hah, hi*), указательные возгласы (*aha, deha, te*), этикетные слова (*evet, hayır, peki, efendim*). Однако звукоподражательные слова здесь не приводятся.

В разряд союзов М. Эргин включает союзы соединительные союзы (veya, ya da), противительные союзы (ya...ya, ne..ne, hem...hem). Большую группу составляют так называемые союзы препозиции (fakat, ancak, çünkü, yoksa), а также незначительное количество союзов постпозиции (dahi, ise, ki). Последнюю группу образуют послелого. По мнению М. Эргина, эти служебные слова по функции совпадают с аффиксами. Инструментативное, уподобительное, направительное значения падежных аффиксов могут выражаться и с помощью послелогов (ile, gibi, üzere, kadar, sonra).

Глагол определяется Н. Кочем как часть речи, выражающая движение, деятельность, состояние, действие, процесс и являющаяся основным членом глагольной группы в предложении. Далее указываются грамматические формы глагола, конкретизирующие время, лицо, наклонение, количество, вопрос и отрицание. Особо значимым в этом ряду Н. Коч считает категорию наклонения (Kip), которая отражает поведение говорящего и его пребывание в определенном отношении к действию. Им выделяется 9 глагольных наклонений:

1. неопределенное прошедшее время (belirsiz geçmiş zaman)
2. определенное прошедшее время (belirli geçmiş zaman)
3. настоящее время (şimdiki zaman)
4. будущее время (gelecek zaman)
5. будущее расширенное время (geniş zaman)
6. желательное наклонение (istek kipi)
7. сослагательное (dilek-koşul kipi)
8. необходимости (gereklik kipi)
9. повелительное (buyruk kipi).

Для последующего анализа Н. Коч эти формы объединяет в 2 группы:

1. Изъявительные наклонения;
2. Желательные наклонения.

В рамках изъявительного наклонения автор рассматривает первые 5 временных форм. Остальные формы им относятся к желательному наклонению. Дается спряжение каждой из названных форм в соотношении с аффиксами отрицания и вопроса, то есть варианты спряжения в отрицательной и вопросительной парадигматике

Следующий раздел посвящается сложным временам (Birleşik zaman). В турецком языке он выделяет 3 типа сложных времен:

1. Сложные формы давнопрошедшего времени (Hikaye birleşik zaman)
2. Сложные формы субъективной модальности (Rivayet birleşik zaman)
3. Сложные формы условного наклонения (Koşul birleşik zaman)

Далее предлагается вся парадигматика глагольных форм, отражающая все многообразие формально-смысловых взаимосочетаний перечисленных форм между собой. Несмотря на огромное количество модально-временных форм, тем не менее в этом нагромождении форм можно проследить определенную логику взаимной сочетаемости аффиксов, а именно: основные формы простых времен и наклонений как бы «перемещаются» в один из трех названных модально-временных плоскостей, и соответственно каждое простое время или наклонение мыслится: - в плоскости давнопрошедшего времени,

- в плоскости субъективной модальности,
- в плоскости условного наклонения.

Говоря о глаголах, Мухарем Эргин указывает на семантическую специфику глаголов, выражающих процесс, действие. Затрагивая структуру глагольного слова, он обращает внимание на минимальную модель глагольного слова, который включает 1) корень, 2) модально-временной аффикс, 3) личный аффикс (gel-di-m, geçir-miş-sin).

Далее автор дает дифференциацию глаголов по переходности и непереходности: kır-, çek-, ara-, bul-: переходные глаголы; yat-, açık-, kalk- -dur-: непереходные глаголы. Следующий вопрос касается модально-временных элементов глагольного слова. Прежде всего им выделяются два основных фона: фон изъявительного наклонения и фон потенциального наклонения. В состав изъявительного наклонения включаются расширенное будущее время, настоящее время, очевидное прошедшее время, субъективное прошедшее и будущее время. В состав потенциального наклонения включены следующие формы: условного, повелительного, желательного и долженствовательного наклонений. Далее следует лаконичная характеристика каждой из перечисленных форм.

Дальнейшее изложение посвящено так называемым усложненным глагольным формам, которые образуются с помощью упомянутого выше именного глагола *imек*. Этот глагол, будучи в форме прошедшего времени, «переводит» в план прошедшего времени все три времени; при этом образует формы *hikaye*: *geliyordum, gelmiştim, geldi*ydі. Будучи в форме субъективного прошедшего, при взаимодействии с основными временами, образует формы *rivayet*: *bilirmişim, bilmişmiş, bilseymişiz*. Будучи в форме условного наклонения и взаимодействуя с теми же временами, образует формы *şart*: *beklemişsek, içiyorsanız, gördüyse*. Эти глагольные образования имеют двойное семантическое усложнение в результате двойного наложения аффиксов.

Но в турецком языке агглютинативное формообразование не ограничивается только двойным усложнением, есть и регулярные формы с трехступенчатым аффиксальным наложением, которые называются *katmerli birleşik çekim*. Формы *hikayenin şartı* (*geliyorduysan, gelmiştiyse*) как бы придают значение **обусловленности** всем 3 формам «*hikaye*». Формы *rivayetin şartı* (*biliyormuşsun, gelecekmışsen*) придают значение **обусловленности** основным формам «*rivayet*».

Х. Эдискун рассматривает глаголы в традиционном плане: в отдельности характеризуются глагольные модели с аффиксом времени, лица, наклонения, залога и в заключение – причастия. Особое внимание уделяется усложненным глагольным моделям (*bileşik zamanlı fiiller*), в которых представлено сложное сочетание модально-временных аффиксов. Три семантических фона являются для автора основными: фон прошлого (*Hikaye*), фон возможности (*Rivayet*) и фон условия (*Şart*). Три временных плана (настоящее, прошедшее, будущее) «вторгаются» в каждый из отмеченных фонов и происходит семантическое усложнение глагольного слова, сопровождаемого и формальными модификациями в виде сложной комбинации соответствующих аффиксов. Широкий перечень синтетических глагольных форм, образованных таким путем, дополняется многочисленными аналитическими моделями, выражающими сложный набор модально-временных наложений выполнения действия.

Залог стал предметом описания только в монографии Н. Коча. Залоговые аффиксы он характеризует как словообразовательные, благодаря которым образуются

новые глаголы. Выделяются следующие залого: актив, пассив, рефлексив, реципрок, каузатив. Аффиксы этих залогов присоединяются к глагольному корню и способствуют различным изменениям, связанным с положением подлежащего и сказуемого (Коç, 1992: 331). Вслед за залогом Н. Коч дает толкование переходных и непереходных глаголов, указывая, что у переходных глаголов в предложении имеется объект действия (Ahmet mektup yazıyor), а у непереходных нет объекта, на который переходит действие (ölmek, gitmek, gülmek).

И Н. Коч и М. Эргин обращаются к специфическим явлениям в турецком языке: неглагольным предикативам или же иначе: субстантивными глаголам. Здесь речь идет о тех случаях, когда глагольные аффиксы лица, времени присоединяются к неглагольным частям речи и используются как глаголы: evdeyim - я дома, evdeydim - я был дома, evdeymiş - он, говорят, был дома, evdeysen - если ты дома. Здесь в качестве «глагольной» основы использовалось существительное. Но вместо него могут быть употреблены и прилагательные, и наречия, и числительные и т.д. Однако в вопросительной и отрицательной формах употребляются уже не аффиксы, а вспомогательные частицы: Yorgun *mujdun?* - Yorgun *değilim*. М. Эргин этот аспект турецкого формообразования связывает с явлением «именного спряжения». Считается, что существует особый именной глагол (imek), который способен актуализировать соотнесенность имени существительного, имени прилагательного, местоимения, числительного с лицом, временем и условием (yorgunum, yorgunmuş, yorgundum, yorgunsam; evdeyim, evdeydim, evdeymiş, evdeysem). Всем подобным образованиям М. Эргин придает статус грамматических словоформ (birleşik çekim) (Ergin, 2001: 329).

Объектом морфологического описания турецких исследователей стали также неличные формы глагола: инфинитив, причастие, деепричастие. Н. Коч приводит полный перечень всех аффиксов, которые образуют неличные формы глагола, указывает синтаксические функции этих единиц в предложении, рассматривает типы синтаксической дистрибуции этих глагольных форм, семантические условия их употребления: -aşağına, -aşağından, -aşağı yerde, -ali yerden, -ali beri, -dışına: -dışı zaman, -ınca, -ken, -madan, -maz и т.д. Ср. примеры: Hastalanalı hiç dışarı çıkmadım; Bu habere sevineceğine üzülüyorsun; Çalıştığı zaman başarılı oluyor; Yanar ateş, olmayacak iş, susamış çocuk, tanıdık yüz, tükenmez kalem и т. д.

М. Эргин называет причастия «определятельными глаголами» (sıfat fiiller) и выделяет их как глагольные формы, показывающие процессуальную характеристику объекта (gelen, geçmiş). Они способны присоединять падежные аффиксы (gelenden, geçmişte). Причастия могут употребляться и как имена существительные (gelene sor), и как имена прилагательные (gelen adam). Говоря о причастиях, автор не обходит вниманием вопрос полного тождества аффиксов причастий и аффиксов временных форм: geçmiş zaman, gelecek tren и zaman geçmiş, tren gelecek. Действительно, причастия почти полностью дублируют все временные аффиксы: gelir, tanıdık, yatacak, dinmez, demeli. Чтобы избежать омонимии форм, М.Эргин предлагает следующий критерий: в позиции перед именем такие формы будут причастиями, в позиции после имени – это временные формы глагола. Собственно причастным аффиксом считается аффикс -an, -en: başlay**an**, gelen. Следом следует описание деепричастий, которые М. Эргин называет герундиями, а в турецкой терминологии zarf fiil (наречный глагол). Используется в предложении в функции обстоятельства. По утверждению М. Эргина, деепричастия не могут присоединять к себе грамматические аффиксы, за исключением герундия на -alı, -eli, который употребляется с аффиксом аблативного падежа: görelen.

Подытоживая анализ частей речи по данным трех монографий, можем отметить, что части речи в турецкими грамматистами выделяются, главным образом, как семантические разряды. Вместе с тем некоторые авторы при определении частей речи опираются и на синтаксическую роль в предложении. Грамматические признаки рассматриваются не для дифференциации частей речи как во флективных языках, а для объединения в более крупные лексико-грамматические классы, такие как имена и глаголы.

Проблема грамматических показателей. Если во флективной грамматике части речи рассматриваются в неразрывном единстве с грамматическими формами, то в тюркских языках при освещении грамматических проблем части речи выделяются как отдельные семантические или семантико-синтаксические разряды. Их грамматическое оформление аффиксами «вынуждает» все же перегруппировать ранее выделенные семантические классы и объединить их в соответствии с «агглютинативной» сущностью на именные и глагольные части речи. Но привычного для нас понимания грамматических форм или категорий в турецких исследованиях нет. М. Эргин приводит перечень словоизменительных аффиксов, присоединяющихся к именным частям речи (*çekmek*). Эти аффиксы рассматриваются безотносительно к понятиям «грамматическая категория», «грамматическая форма». Они фигурируют только в качестве особых добавочных элементов слова, которые не смешиваются со словообразовательными аффиксами (*уармак*). Хотя Эргин не затрагивает вопроса о том, на основании чего проводится разграничение этих типов аффиксов. Опиерируют только понятием аффикс (*ек*), дифференцируя их на словообразовательные и словоизменительные. В состав словоизменительных аффиксов, присущих имени, включаются следующие: 1) *-lar /-ler* (множественного числа)

- 2) *-ım/-im* (притяжательности)
- 3) *-nimki/-nimki* (общей принадлежности)
- 4) все аффиксы падежей
- 5) *mi?/-mi?* (вопросительный аффикс)

В «Новой грамматике» Нуреттина Коча вслед за выделением частей речи дается отдельная рубрика «*Eklek*» - «Аффиксы». Формообразующие аффиксы называются «*çekim eklegi*». Н. Коч выделяет существенную специфику формообразующих аффиксов, которую он усматривает в том, что они не меняют значения слов, не способствуют образованию новых слов. В одном из рассуждений М. Эргина мы также обнаружили тот же существенный ракурс теории грамматической формы, которая созвучна нашим представлениям о форме, где он говорит о том, что при присоединении словоизменительных аффиксов лексическое значение корня остается неизменным (**Ergin, 2001: 275-300**). Основное назначение таких аффиксов, по мнению авторов, - это установление смысловых связей между словами. Выбор словоизменительного аффикса непосредственно зависит от значения слова. По-видимому, здесь имеется в виду частеречная сущность корневого слова или основы.

Примыкая к корню или к основе, формообразующие аффиксы устанавливают смысловые отношения между словами и выражают понятия *лица, надежда, времени, вопроса и отрицания* (**Коч, 1992: 70**). Говоря о грамматических аффиксах, автор пишет, что они присоединяются либо к именам, либо к глаголам, но некоторые аффиксы могут присоединяться и к именам, и к глаголам. Далее следует описание именных аффиксов, в числе которых называются 1) падежные аффиксы, 2) аффиксы принадлежности, 3) аффиксы отношения (*-ki/-daki/-imki*), 4)

аффикс совместности (-la/-le) (Коч, 1992: 70). Любопытно, что в этом перечне отсутствуют аффиксы множественного числа (-lar). Если посмотреть с позиций общей грамматической теории, то вполне правомерно исключение категории числа из списка грамматических категорий имени, поскольку противопоставление единственного и множественного числа в турецком языке, как и в других тюркских языках, не столь дифференцировано, как во флективных языках. То же самое можно сказать применительно к кыргызскому языку: во-первых, нет внешнего противопоставления форм единственного и множественного числа; во-вторых, нет четкой семантической дифференциации единичности/множественности (формы единственного числа могут выражать семантику множественности, формы множественного числа – семантику единичности); в-третьих у имен нет обязательной потребности в регулярном указании на семантику множественности, о чем свидетельствует часто встречающиеся случаи формальной «нев्यраженности» множественного числа слов, то есть когда происходит контекстуальное эксплицирование семантики числа. Н. Коч большое внимание уделяет вторичным функциям формальных показателей, а именно их способности выражать другие грамматические значения или выражать неграмматические значения, способность образовать устойчивые сочетания, способность выполнять служебную функцию и т.д. Падежная парадигма Н. Коча, помимо номинатива, включает еще 5 падежных форм: 1. Аккузатив, 2. Датив, 3. Локатив, 4. Аблатив, 5. Генитив.

Поссесивная парадигма выделяется традиционно в виде 6 лично-притяжательных форм единственного и множественного числа. Далее им указывается, что после притяжательных аффиксов следуют падежные показатели и приводится схема склонения притяжательных форм.

В качестве особого разряда рассматриваются формы, образованные с помощью аффикса отношения (İlgî eki). Н.Коч считает, что они образуют именные словосочетания (dünkü olay, masadaki kitap). Особо говорится об аффиксе -le/-la, который считается вариантом слова İle и может выступать в качестве формообразующего аффикса (ateşle, sözüyle, onunla).

Переходя к структуре глагольной словоформы, М.Эргин начинает описание с аффиксов лица, которые подразделяются им на 3 разновидности: 1) аффиксы местоименного лица (gelir-im, gelir-sin, gelir, gelir-iz, gelir-siniz, gelir-ler) 2) аффиксы притяжательного лица (geldi-m, geldi-n, geldi, geldi-niz, geldi-ler). 3) аффиксы повелительного лица (gel-eyim, gel-sin, gel-elim, gel-in, gel-iniz, gel-sinler).

В качестве формообразовательных показателей, примыкающих к основе глагола, Н. Коч называет аффиксы наклонения, аффиксы лица и аффиксы отрицания. С аффиксами наклонения образуется 9 форм:

1. Определенное прошедшее время на -dı: geldim,
  2. Неопределенное прошедшее время на -mış: gelmişim,
  3. Настоящее время на -yor: geliyorum,
  4. Будущее время на -acak: geleceğim,
  5. Будущее время на -ır: gelirsiniz,
  6. Условное наклонение на -sa: gelsek,
  7. Долженствовательное наклонение на -malı: gelmeli
  8. Желательное наклонение на -a: geleyim,
  9. Повелительное наклонение на -ın/-iniz, -sin, -sınlar: gelin (geliniz), gelsin, gelsinler
- По сути, здесь приводятся модально-временные формы.

Показатели лица выделяются в виде традиционных 6 форм в рамках парадигмы спряжения.

Аффикс отрицания рассматривается как неотъемлемая часть глагольной словоформы (almadım, almadın, almaz).

Отдельно рассматриваются Н. Кочем формообразовательные аффиксы, которые употребляются и с именами, и с глаголами. К ним он относит аффикс множественности *-lar*, вопросительную частицу *-mi*, модальный аффикс *-dir*.

В грамматике Х. Эдискуна дается характеристика аффиксов категории падежа.

К разряду глагольных аффиксов причисляются аффиксы наклонения, лица и отрицания. Из этого следует, что временные значения не отделяются от наклонения, а напротив, рассматриваются как явления одного рода (порядка) в рамках наклонения. Перечень модальных аффиксов довольно обширный, составляет 11 форм. Значительное внимание уделяется глагольным аффиксам у Х. Эдискуна. Его подход несколько отличается от взглядов Н. Коча. По классификации Х. Эдискуна, отдельно выделяются формы времени, наклонения и лица. Однако создается впечатление, что это деление формальное, поскольку в дальнейшем описании все эти аффиксы рассматриваются в неразрывном единстве, в рамках многочисленных морфологических моделей, дифференцирующих значения наклонения, лица и времени.

Надо отметить, что какими бы ни были взгляды ученых, они фактически не способны повлиять на истинную природу языковых явлений. Существует две возможности интерпретации категории наклонения и времени:

1) не считать категорию времени в турецком языке грамматической, на основании того, что в рамках глагольной словоформы широко распространено совместное употребление двух однородных временных аффиксов;

2) рассматривать временные формы в качестве разновидностей в рамках категории наклонения.

В первом случае мы должны будем отделить категорию времени от категории наклонения, рассматривая временные аффиксы как словообразовательные, а аффиксы наклонения как грамматические. Во втором случае должны признать, что в турецком языке категория времени и категория наклонения представляют собой неразделимые содержательные аспекты, другими словами, составляют единую грамматическую категорию. Мы склонны предпочесть первую точку зрения по двум соображениям.

1) характер сочетаемости временных аффиксов не вписывается в правила дополнительной дистрибуции, в соответствии с которыми однородные грамматические показатели, находясь в отношениях взаимоисключения, не встречаются в рамках одной словоформы. Свидетельством того, что временные аффиксы употребляются по правилам свободной сочетаемости, могут быть достаточно употребительные глагольные модели. Вот некоторые из них.

В глагольной словоформе *yazıyordum* (я писал в тот момент) встречаются два временных аффикса: настоящего времени: **-yor-** и прошедшего времени: **-du-**;

В глагольной словоформе *yazdıydım* (я написал давно, раньше) представлено два аффикса прошедшего времени: **-di-** **-di-**;

В словоформах типа *yazmıştım* (я написал раньше, давно) употреблены два аффикса прошедшего времени: субъективного прошедшего **-miş-** и определенного прошедшего **-ti-**;

В словоформах типа *yazacaktım* (я собирался написать) употребляется 2 временных аффикса – будущего времени **-acak-**, прошедшего времени **-ti-**;

2) Аффиксы наклонения (желательного, условного, повелительного, долженствовательного, и др.) в отличие от временных аффиксов подчиняются законам дополнительной дистрибуции и находятся в грамматических отношениях.

Вместе с тем в языковом мышлении носителя турецкого языка время и наклонение тесно взаимодействуют друг с другом, находясь в сложном семантическом переплетении. Условие, время, желание, предположение, намерение, долженствование – преобразуются во всех временных планах и в разных вариациях эти семантические аспекты составляют сложное модально-временное содержание глагольного слова. Иллюстрацией данного тезиса могут служить распространенные в турецком языке модели глагольных словоформ следующего типа:

yazsaydım (если бы я написал), где показателем условного наклонения является аффикс **-sa-**, показателем прошедшего времени является аффикс **-dİ-**;

yazmalıydım (мне надо было написать), где **-malı-** является показателем долженствовательного наклонения, а **-dİ-** - показателем прошедшего времени;

формы *yazıyorsam* (если ты пишешь в данный момент), *yazdıysam* (если я написал), *yazmışsam* (если я написал, говорят), *yazacaksam* (если я напишу): *yazarsam* (если я напишу вообще) представляют глагольные схемы, в которых аффикс условного наклонения **sa** сочетается со всеми временными аффиксами: **-yog-**, **-dİ-**, **-miş-**, **-acak-**, **-ar-**.

В кыргызском языке сложилась иная система грамматических связей между категорией времени и наклонения. Во всех грамматических учениях эти две категории существуют как самостоятельные подсистемы. Семантические сферы распространения этих категорий достаточно отграничены друг от друга, так как категория наклонения выражает значение ирреального действия, вне его соотношенности со временем; тогда как категория времени уточняет действие с точки зрения его локализации на временном отрезке. Формально – грамматическая выраженность значений наклонения и времени осуществляется в рамках каждой категории с помощью особой системы грамматических средств. О независимости модальной и временной системы говорит то обстоятельство, что семантика ирреального и реального действия в представлении носителя кыргызского языка никак несовместимы. Модально-грамматические формы со значениями: возможности - *жазаармын*, условности - *жазсам*, повеления - *жазгын*, намерения - *жазайын*, долженствования – *жазмакмын* в кыргызском языке существуют безотносительно к категории времени; грамматические формы времени (*жаздым*, *жазгам*, *жазам*) существуют независимо от категории наклонения.

Существенным типологическим отличием от турецкого языка служит то, что в кыргызском языке категория времени является бесспорной грамматической категорией, так как аффиксы времени формально не пересекаются друг с другом, и соответственно нет семантического «соседства».

Что касается категорий лица турецкого глагола, то – это сугубо грамматические показатели, по своему характеру и природе сходные с флексив-ными морфемами на том основании, что они не образуют словоформы, а изменяют их. Как правило, личные аффиксы «закрывают» словоформу, завершая цепочку всех аффиксов, формирующих данную словоформу, что также говорит в пользу их грамматического характера.

ЛИТЕРАТУРА

Nurettin KOÇ., (1992). **Yeni dil bilgisi**. İstanbul.

Haydar EDİSKUN., (1996). **Türk dilbilgisi**. İstanbul.

Muharrem ERGİN., (2001). **Universiteler için Türk dili**. İstanbul.

Грамматика киргизского литературного языка., (1987). Часть 1, Фрунзе.